

«Сердце на ладони» — так называется одна из повестей белорусского писателя Шамшину, рассказывающая об операциях на человеческом сердце. Трепетное и незащищенное, оно бьется в добрых ладонях врача... Вот такое же ощущение добрых человеческих рук, заботливо оберегающих живое человеческое сердце от жестокости поверхностного, ничего не видящего взгляда, появляется у зрителя, когда он встречается с работами актрисы Калужского драматического театра Нины Добриковой.

Нина совсем не из тех актрис, которые, как говорится, «ведут репертуар», играя чуть ли ни в каждом спектакле. Она — актриса нелегкой судьбы.

Творческий максимализм, постоянная неудовлетворенность собой, эмоциональная порывистость подчас приводят ее к необдуманным с точки зрения житейской логики поступкам. В порыве «самокритичности» Нина пыталась бросить Минский театральный институт, а впоследствии, работая по распределению в одном из городских драмтеатров и не смирившись с царившей там «халтурой», буквально сбежала из него.

Эти же качества характера актрисы делают ее очень сложным материалом для режиссеров. И порой случается, что Н. Добрикова какое-то время бездействует. Но почти каждое появление этой актрисы на сцене — событие, на которое восторженно откликаются и зрители, и пресса.

Творчество Нины Добриковой — это не просто удачное перевоплощение актрисы то в одно, то в другое действующее лицо спектаклей. Ее творчество — это страстная исповедь человека, влюбленного в жизнь,

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ

умеющего остро подмечать, как подчас сквозь внешне неприглядную шелуху противоречивых явлений и качеств пробиваются ростки подлинной человеческой красоты.

В этом смысле уже был интересен дебют Нины Добриковой на сцене Калужского театра в спектакле «Человек и волк» (пьеса Анхела Гимера, реж. О. Зарянкин), в котором актриса играла роль совсем молодой девушки Нури.

Забавная девушка с растрепанными русыми косичками, одетая в серое рубище батрачки, выросшая в спектакле в фигуру трагическую, превращаясь в страшное свидетельство преступления. Актрисе удалось рассказать о своей Нури гораздо больше, чем рассказывал об этом персонаже сам сюжет драмы. Ее Нури, как пушистый ласковый котенок, льнула к окружающим ее людям, и глаза ее, не замечая ответной нежности, постепенно наполнялись горьким и вместе с тем наивным удивлением. Душа этой девочки, уже с рождения батрачки, была так широко распахнута для всего светлого и благородного, такой чистой и нежностью светилась ее душа, так остро воспринимала она чужие беды и так смело, не думая о себе, бросалась на помощь, что казалась буквально распахнутой на кресте чужих страданий.

И становилось страшно и горько от мысли, что такая душа скоро погаснет, сломленная жестокими законами волчьего мира, а эти глаза, такие ясные и доверчивые, потускнеют от слез. Так в зрительном зале рождалось ощущение чудовищной социальной несправедливости, враждебной всему прекрасному. Так актриса, заражая сидящих в зале сочувствием к судьбе своей героини, вела зрителей к эмоциональному восприятию основной мысли спектакля.

Актриса влюблена в жанр трагикомедии, считает, что именно этот жанр способен особенно полно, в единстве и борьбе подчас противоречивых начал, раскрыть человеческий характер.

Человеческий характер представляется Нине явлением необычайно сложным и необозримым, как те дали Охотского моря, таинственную жизнь которого она наблюдала в детстве, часами просиживая на прибрежных сахалинских камнях и зачарованно глядя, как причудливо меняются цвет морских волн, как из глубины моря появляются вдруг новые краски... Как трудно разобрать-

ся в характере человека. И как часто большое переплетается в нем с мелким, трагическое с комедийным!

До уровня трагикомедии, когда появляется «смех сквозь слезы», поднимает актриса просто забавную ситуацию комедии Софронова «Странный доктор», в которой Галина Муравейко с целью возбудить ревность мужа приходит в дом, где остановился приехавший из города авторитетный консультант по вопросам культуры просветработы.

Роль Галины в спектакле — эпизодическая. Но об эпизодических образах, созданных актрисой, хочется говорить особо. Добрикова с удивительным мастерством умеет превращать даже совсем маленькую роль в целую повесть о судьбе человека, за несколькими мгновениями настоящего раскрывает прошлое и, разбудив воображение зрителя, намекает ему на будущее своей героини.

Когда Галина, эта худенькая, скромная до заботности, женщина впервые появляется перед зрителем, она воспринимается как обезличенное и жалкое порождение самых худших сторон деревенского быта. Такова экспозиция образа и уже в ней — полемика с теми, кто судит о человеке в точки зрения готовых шаблонов. А дальше произойдет чудо «открытия характера».

Вот героиня Добриковой, наряженная в тщательно продуманный туалет, по совету доктора переступает порог дома, где остановился Голубь. Сейчас она попытается сыграть роль разудалой обольстительницы. И нам становится страшно за нее: на таком пределе эмоционального напряжения она находится, мы с тревогой ждем: вот-вот она сорвется и полетит в пучину того невольного-стыдного положения, когда, как говорят, «лучше сквозь землю провалиться».

Но ничего ужасного не происходит. Галину спасает ее внутренняя чистота, которая все время рвется наружу сквозь придуманную ложь, через доверчивые беззащитные глаза с мольбой устремленные на Голубя, через слова неожиданного прорывающейся правды. Эта сцена всегда сопровождается хохотом зрительного зала: но смех этот добрый: так и не смог человек обмануть, сыграть несвойственную ему роль! И где-то здесь же вдруг начинает звучать шепчущая нота грусти. Как нелегко, наверное, этой искренней, чуткой натуре с ее мужем, душевно грубым, чванливым, так и не разглядевшим скромной красоты человека, живущего рядом с ним!

Так актриса дает толчок воображению зрителя, будит его фантазию, призывает к творчеству. Она ведет свою роль с такой легкостью, что кажется, будто все это вот сейчас, сию минуту, появилось и выдисло перед зрителем. Как будто и не было неприятных разногласий с режиссером, как будто и не было мучительных поисков той «изюминки», без которой сценический характер теряет свою определенность и которая с таким трудом «отыскалась» на одном из спектаклей в сельском клубе во время гастрольной поездки театра по области.

А вот и другая героиня Добриковой — Зинка-слезинка из спектакля «Трибунал» (реж. И. Кашаев).

В стареньком ситцевом платье и накинута на плечи мужском пиджаке (примета времени), с лицом, искаженным гримасой предельного отчаяния, бросается она к отцу, завязанному в мешок, с единственным, всепоглощаю-

щим желанием — разделить с ним горе и позор, если уж нельзя ничем помочь (ведь он предатель). И чем искреннее отчаяние Зинки, тем громче хохот в зрительном зале, которому уже известно, что отец ее — партизан, вынужденный играть роль немецкого старости. Актриса никогда не старается смеяться, она очень серьезно действует в комедийных обстоятельствах и тем смешнее становится комедийная ситуация.

И вот наступает в спектакле минута, когда в облике этой забавной, этой смехотворной Зинки вдруг начинает отчетливо ощущаться что-то очень крупное, значительное, какие-то извечно русские женские качества: самоотверженность, жертвенность и та горькая бабья жалостливость, которая часто вырастает до степени подвига.

Среди эпизодических ролей Добриковой есть и персонаж трагический. Это — холопка Маша в спектакле «Иван Болотников» (реж. В. Каплин). Эта роль почти без слов. Но актриса так четко и глубоко выстраивает внутреннюю линию образа, что этот второстепенный персонаж превращается в одно из главных действующих лиц спектакля, олицетворяя трагическую судьбу народа, так и не добившегося свободы.

Вершины трагического напряжения достигает актриса в сцене казни Ивана. «Иванушка!» — шепчут ее пересохшие губы, а в протянутых к Ивану ладонях словно бьется обнаженное человеческое сердце. «Сокол ты наш ненаглядный!» — настойчиво, как заклинание, повторяет Маша, и глубокий, низкий голос ее звучит горестно и тоскливо. Как насмерть раненная птица, мечется она по площадке высокого Кремля и в порыве безграничного отчаяния бросается вниз, в бездну...

Высокий гуманизм в концепции человека определяет все творчество Нины Добриковой, делает ее по качеству темперамента публицистическим, хотя открытая публицистика, когда актер как бы непосредственно обращается к зрителю, превращая сцену в кафедру, чужда актрисе. Наверное, именно этим можно объяснить некоторые противоречия, проявившиеся в работе Добриковой над образом Инги в спектакле «Вызов богам» (реж. О. Зарянкин). Этот спектакль был решен режиссером в жанре романтической драмы, как гимн чуду любви, победившей смерть.

Актрисе, по сути своей камерной, которая идет к форме через тщательную выверенную внутреннюю линию, было трудно освоить те образно решенные, очень выразительные, но «громкие» мизансцены, которые предлагал режиссер.

Образ Инги получился положительным образом «вообще», как бы очищенным от конкретности, без той волнующей «особинки», которая всегда отличает эпизодические образы актрисы, превращая их в яркие индивидуальности.

В актерском архиве Нины Добриковой хранится письмо. В нем строки: «Ваша Щурочка Азарова (спектакль «Давным-давно») помогла мне найти себя, помогла внутренне собраться. Я очень благодарен корнету Азарову, т. е. Вам».

Высшая награда актеру — благодарность зрителя, во имя которого и открывается каждый день занавес театра. Но Нина не из тех актрис, которые тщательно коллекционируют и отбирают из всего разнообразия оценок своего творчества только дифирамбы. И когда ей приходится слышать лестные слова в свой адрес, в ее золотисто-карих глазах (в тех самых глазах, которые на сцене так нестерпимо сияют и светятся, как будто кто-то невидимый разжег в их глубине яркий огонь) начинается появляться недоверие. Актрису больше интересуют критические замечания в адрес своих работ, так как она хорошо понимает, что только через их преодоление идет процесс творческого совершенствования.

Искусство Нины Добриковой — яркое, жизнеутверждающее. Оно питается светлой верой в человека, верой, которая идет не от облегченного взгляда на вещи, а наоборот, от углубленности в психологию человека, от умения видеть его в сложном переплетении противоречивых чувств и порывов — и вдруг открыть в нем золотую крупинку человеческой красоты.

И хотя Нина страшно боится слова «романтика», творчество ее по-настоящему романтично, если понимать романтику как умение видеть и утверждать прекрасное.

А. ШУРКИНА.